

3. Долженко С. Г. Творчество Е.И. Замятина в англоязычной критике : автореф. дис. ... канд. филос. наук / С. Г. Долженко. – Тюмень : МПГУ, 2003. – 24 с.
4. Заблудовский М. Уэллс Герберт Джордж / М. Заблудовский. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclor/leb/leb-6301.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Замятин Е. Герберт Уэллс / Е. Замятин. – Пг. : Эпоха, 1922. – 47 с. – Режим доступа: http://orwell.ru/library/others/zamyatin/wells/r/rwls_3.htm, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. Замятин Е. И. Мы / Е. И. Замятин. – Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2009. – 159 с.
7. Замятин Евгений Иванович. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. Кагарлицкий Ю. И. Вглядываясь в будущее: Книга о Гербете Уэллсе / Ю. И. Кагарлицкий. – М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. – 432 с. – (Портреты).
9. Кто есть кто в мире: 1500 имен / гл. ред. Г. П. Шалаева. – М. : Филологическое общество «СЛОВО» : ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – С. 559.
10. Михайлов О. Н. Гроссмейстер литературы / О. Н. Михайлов. – Режим доступа: http://az.lib.ru/z/zamyatin_e_i/text_0260.shtml, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
11. Невский Б. Грезы и кошмары человечества (Утопия и антиутопия) / Б. Невский. – Режим доступа: <http://www.mirf.ru/Articles/art2195.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
12. Первые люди на Луне. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
13. Трейн Айс де. Об антиутопии / Айс де Трейн. – Режим доступа: <http://dugward.ru/publ/s12.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
14. Уэллс Г. Война миров / Г. Уэллс. – Режим доступа: http://royallib.ru/book/uells_gerbert/voyna_mirov.html, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
15. Уэллс Г. Машина времени / Г. Уэллс. – Режим доступа: <http://lib.ru/INOFANT/UELS/timemach.txt>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
16. Уэллс, Г. Освобожденный мир / Г. Уэллс. – Режим доступа: <http://lib.ru/INOFANT/UELS/wrldfree.txt>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
17. Энциклопедия Кругосвет / Евгений Иванович Замятин. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/ZAMYATIN_EVGENI_IVA_NOVICH.html, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

О ТРАДИЦИОННОСТИ И ВАРИАТИВНОСТИ ФОЛЬКЛОРНОГО ЯЗЫКА В «ДИАЛОГЕ» ПРИНЦИПОВ АНТРОПОЦЕНТРИЗМА И ТЕКСТОЦЕНТРИЗМА

Т.С. Соколова

Как социокультурный феномен фольклорный язык послужил базой для формирования литературного языка, поэтому можно считать, что фольклорные тексты являются достоверными источниками этнокультурной информации в режиме традиционности и вариативности.

As a sociocultural phenomenon the folk-lore language served as a basis for the formation of the literature language, consequently the folk-lore texts may be considered to be a reliable source of the ethnocultural information in regime of tradition and variation.

Ключевые слова: язык русского фольклора, этнокультурная информация, традиционность, вариативность.

Key words: the language of russian folk-lore, the ethnocultural information, the tradition and variation.

Фольклорный язык, функционируя в режиме традиционности и вариативности, весьма информативно емко в своей активной памяти о духовной и материальной культуре русского народа. Проблема традиционности и вариативности в фольклористике имеет свою историю изучения, которая, судя по специальной литературе, признается трудной для решения. В работах исследователей предметом внимания предстает варьирование фольклорных текстов на уровне сюжета, композиции, состава повествовательных эпизодов; фольклор квалифицируется как явление традиционное, при этом отмечается, что любая традиция – это органическое сочетание стабильности и вариативности, которые, тем не менее, не являются исключительной спецификой фольклора [9, с. 127]. Что же касается интегрированного лингвистического подхода к исследованию неотъемлемых свойств языка фольклора в «диалоге» принципов антропоцентризма и текстоцентризма, то он пока активно не разработан в русле взаимосвязанных наблюдений с позиции лингвофольклористики, когнитивной лингвистики, поэтической стилистики и других направлений в сочетании с рядом филологических положений. Представим наш подход к рассмотрению данного вопроса как один из возможных.

Традиции языка фольклора в социокультурном аспекте требуют их интерпретации в рамках расширенной проблемы «язык и общество». Содержание социокультурной значимости языка фольклора исторически структурировано. Неоценимую роль устной народной поэзии и ее языка убедительно отстаивает академик Д.С. Лихачев: «В фольклоре, как и в речах воинских, вечевых, посольских, судебных и т.д., создался устный литературный язык, который лег затем в основу письменной литературы...» [3, с. 34]. Ученый подчеркивает, что язык фольклора в его истоках является «высокоразвитым устным языком старшей поры... Язык этой поры (эпохи феодальной раздробленности – Т. С.) был гораздо богаче любого диалекта» [2, с. 150]. Важно учесть также мнение Л.П. Якубинского о том, что задолго до появления церковнославянской письменности народные певцы в своих произведениях создавали на народном литературном языке традиции, которые впоследствии усваивали и продолжали древнерусские писатели [10, с. 229]. Разделяя приведенные положения исследователей, отметим, что в наши дни немаловажным является решение вопроса о реконструкции языка древнерусского устно-поэтического творчества, об изучении истории фольклорного языка.

Традиционность и вариативность различных жанровых текстов тесно связаны с признаком целостности общежанрового содержательного континуума, базирующегося на принципе антропоцентризма. Целостность общего фольклорного содержания вариативно и избирательно по жанрам отражает этапы жизненного пути человека. В ходе глубокого функционально-семантического анализа языкового материала мы отмечаем, что избирательность многогранна и также вариативна в своем проявлении. Прежде всего, избирательность уже присутствует в отражении определенных сфер бытия человека в том или ином жанре. Так, тенденция «наибольшего выделения человека» свойственна былинам и историческим песням. За пределами семейного круга эпический персонаж – это представитель определенного слоя социума, живущий по его законам, правилам, установившейся вере. Сказочный персонаж, одержимый достижением цели, проходит свой жизненный путь как условно реальный (в сказках социально-бытовых и о животных) или на грани реального и фантастического (в волшебных сказках). В лирических (бытовых) песнях на первом плане – внутренняя жизнь человека: его чувства,

эмоции, переживаемые в пределах и за пределами родного дома. В обрядовых песнях человек проживает «желаемые» эпизоды жизни с надеждой, что они повторятся в реальности, или посредством ритуалов он психологически готовит себя к приятию неизбежного в действительности. Так контурно можно передать общее содержание фольклорных произведений, в которых избирательно в жанровых вариантах показан человек на своем пути-дороге.

Исключение фрагментарности объясняется также тем, что каждый жанр со своей языковой спецификой фабульно и сюжетно раскрывает человека, но это будет все тот же фольклорный язык. При этом стоит отметить, что жизненный материал сюжетно воплощается в жанровых вариантах фольклорного языка, находящегося под сводом нравственных устоев народа, которые намного строже и прочнее юридически закрепленных законов, выраженных языковыми формами как кодексы поведения (этика) и предпочтения (утилитарность). Данное положение подкрепляет понятие традиции, традиционности в языке фольклора, осознаваемой только с позиции положительной культуры.

Каждый фольклорный жанр, реализуемый в массе вариантов и имеющий свою отличительную содержательную основу, которая объективируется жанровым своеобразием языка, тем не менее «подпитывается» сюжетами и мотивами из содержания других жанров. Жанровые тексты в той или иной своей части вариантно «перетекают» один в другой, образуя общефольклорный текстовый массив, при этом никак не расшатывая рамки традиции. В былинах можно отметить присутствие языковых фактов из причитаний, в обрядовых жанрах не исключены привнесения из лирических текстов и т.д. Так, например, присутствие паремий – малых жанров – в больших текстовых пространствах мы рассматриваем как естественную функциональную черту. Исполнители воспроизводят пословицы и поговорки в силу сюжетной необходимости. Паремии, выкристаллизовываясь, в пределах большого контекста воспринимаются семантически более точно и емко, чем в изолированном виде, и способствуют содержательной целостности большого жанра. *«Самсон наехал на суд божий, на кузнеца, и выковал ему кузнец – жениться в Поморском царстве на дочери Луки-калеки...»*. Самсон-богатырь после свадьбы должен был признать, что *«Суда божия на добром коне не объехать. И то поговорье вперед пошло»* [4, с. 88].

Признак фольклорной традиции также тесно связан с характером восприятия и исполнения жанрового произведения. Воспринимая от предшественников устные тексты, в частности, былины, сказители их не заучивают, но усваивают или перенимают [8, с. 58]. Каждая былина, по мнению самих сказителей, должна быть исполняема со своими устоявшимися особенностями. О манере пения они говорят: «... в Ставре надо петь толще, а в Потыке – тоньше».

Номинационный потенциал фольклорного языка представляет собой комплекс вербальных способов отражения ценностно значимых концептуальных смыслов. Полагаем, что в фольклоре менее всего расходятся номинативная и семантическая функции языковых реалий. Суть бытования традиционных номинаций – это их функционирование в вариантах. Вариантность фольклорных номинантов квалифицируется нами как целесообразная функциональная разновидность для передачи многомерности смысла фольклорного текста, который нельзя объемно передать (отобразить) линейной (одномерной) последовательностью различных языковых единиц. Поиск же номинационного инварианта в языке фольклора, полагаем, малоперспективен. Одна

из плоскостей изучения вариативности – выделение на уровне текста единиц варьирования, разных по объему, компонентному составу, выяснение закономерностей их варьирования. В качестве частичного иллюстративного материала приведем былинные комплексы типа «прилаг. + сущ.», компоненты которых устойчивы в совместном употреблении при названии человека (совокупности людей), но при употреблении функционируют в таких случаях:

- ✓ в морфемных вариантах: *дружина хоробрая – дружинушка хоробрая*;
- ✓ в морфологических вариантах: *красна девица (девушка) – красная девица (девушка)*;
- ✓ в собственно лексических вариантах: *храбрый воин – храбрый рыцарь*;
- ✓ в лексических вариантах с повтором и перестановкой: *народ ... люди добрые, люди ... народ добрые*;
- ✓ в контактной или дистантной пре- или постпозиции: *красная девица – девица красная*;
- ✓ в развернутых и сжатых вариантах: *удалой (удаленький) дородный (дороденький) добрый молодец – удалой (удаленький) добрый молодец – удалой молодец, добрый молодец; сильный, могучий богатырь – сильный богатырь, могучий богатырь, сильный-могучий богатырь; дружина хоробрая – дружина*.

Появление нового номинационного варианта (монологемы, словесного комплекса), сюжетного хода, мотива нельзя опрометчиво приписывать «личному почину исполнителя». Часто оказывается, что подновление оказывается фактом, уже имевшимся в резерве традиции. Однако не исключены и индивидуальные привнесения в фольклорный текст. «У каждого местного сказителя в его творчестве заметно личное влияние на склад былинны, в которую он вносит свой характер, любимые слова, поговорки» [4, с. 19]. В связи с этим считаем, что при изучении фольклорного жанра возникает необходимость обязательного решения проблемы выделения языковых средств: общежанровых, одножанровых, индивидуальных, принадлежащих самому исполнителю.

Фольклорный язык, посредством которого создается общежанровое текстовое пространство, дифференцируется по жанрам, «за счет чего, по замечанию В.Я. Проппа, каждый из жанров, будь ли то сказка, песня, причитание, пословица, обладает <...> отличиями формы, стиля, художественного метода...». Однако специфика жанров с лингвокогнитивных позиций, как убедительно и для нашего времени мотивирует В.Я. Пропп, определяется, прежде всего, отличиями в отражении мира представлений, целей, идей эмоций [6, с. 378]. Данное замечание также по-своему высвечивает специфику отражательной (эпистемической) функции языка фольклора, которая обусловлена разной степенью прагматических намерений создателей жанров и производна от познавательной (когнитивной) деятельности народа. Лингвисты в первую очередь работают с письменно зафиксированными фольклорными текстами. Жанровыми «перетеканиями» фольклорного текстового массива мотивируется его статус сложного кодированного сообщения в вербальной форме, заключающего в себе информацию, которая объективируется в фольклоре не только вербально, но и посредством акционального, предметного, авербального кодов. Подобное конструирование информации можно проиллюстрировать содержанием обрядовых жанров. Так, объективация концептуальных «темпоральных» смыслов в авербальных обрядах осуществляется ритуальными действиями, созданием ритуальных предметов (артефактов). В прошлом на Руси полным молчанием и слаженными действиями сопровождалось

изготовление женщинами *обыденной* рубахи (полотенца), начиная с прядения нитей, ткани и заканчивая вышиванием за один день (за одну ночь), – вещи-оберега для мужчин, покидающих родной дом и отправляющихся на военную службу. В сказочном нарративе текстовые фрагменты о возведении замка, города по волшебству за короткое время актуализируют традиционный обрядовый «временной» смысл, поддержанный исходно в реальной действительности акциональным обрядом – построением *обыденного* храма. «Обыденная церковь есть в Москве и в Вологде; по преданию, оне построены миром в сутки, по обету...; вологодский Спас *обыденный* в 1618 г.» [1, с. 637]. Ср. с содержанием паремий – малыми жанрами, в которых слово *обыденный* актуализирует осознание особенности концептуального признака ‘кратковременность’ в жанровой версии: *Не обыденное дело: не уйдет. Не Спас обыденный, постеешь* [1, с. 637]. Если в акте современной речи вербализуется, по словам И.А. Стернина, коммуникативно-релевантная часть концепта, то в языке фольклора, считаем, вербально репрезентируется, прежде всего, традиционно этнокультурно значимый фрагмент концепта.

«Наличие большого количества номинаций того или иного концепта свидетельствует о высокой номинативной плотности (термин В.И. Карасика) данного участка языковой системы, что отражает актуальность вербализуемого концепта для сознания народа» [5, с. 8]. На наш взгляд, фольклорная вариативность и в связи с этим высокая частотность тематически определенных номинационных единиц в пределах текста – это функциональный сигнал значимости объективируемого того или иного концепта. Прокомментируем сказанное, опираясь на языковые данные фольклора. Подсчитано, что личностное пространство (внешняя и внутренняя идентификация) человека определяется 10 тысячами свойств, но человек из них реализует всего 400. В связи с этим возникает исследовательский вопрос: каков объем свойств и качеств, осознаваемых человеком как актуальных, которые он вербально актуализирует в языке (нефольклорном); каким качествам отдает жанровые предпочтения народ как коллективный автор в раскрытии фольклорной Вселенной человека (его внутреннего пространства)? В данной работе, конечно, не представляется возможным ответить на все поставленные вопросы. Они позволяют лишь контурно очертить исследовательскую перспективу. По нашим наблюдениям, в эпических жанрах (былинах, исторических песнях), например, возраст действующих лиц как персонифицированное (эго-) время – одно из важнейших качеств, о котором автор-народ считает необходимым говорить и закрепляет его в эпических жанрах как информационно существенный. В былинах из всех характеристик персонажей особое внимание уделяется определению возраста, как приблизительного, так и условно точного. Наиболее активными из всех языковых средств, обозначающих приблизительный возраст безотносительно к кому-либо, являются имена прилагательные *молодой и старый*. Данные лексемы в своем использовании составляют 62 % от 958 словоупотреблений «возрастных» прилагательных в текстах онежских былин, записанных А.Ф. Гильфердингом [7, с. 88]. В эпическом тексте стремление исполнителей подчеркнуть возраст человека очень настойчивое, в отличие от сказок, в которых подобная традиция не прослеживается. Причем из двух ключевых «возрастных» лексем слово *молодой* наиболее частотно. Причина функционального приоритета «былинной» молодости (взрослости) как свидетельство значимости данного возрастного параметра заключается, на наш взгляд, в следующем. В былинном языке взрослость персонажа обозначается монологическими вариантами *молодой, младой, молоденький, молодешенький, младешенький, премладой*, которые определяют большой круг существительных из различных тематических групп: «знать»: *царь, князь, княгиня, боярин* и др.; «должностное ли-

цо»: *посол, писарь, клюшничек, стольник* и др.; «воин»: *богатырь, борец, стрелец, поединчик* и др.; «человек из чужой земли (враг)»: *Кострюк, нахвальщичек, турцяночка* и др. Отличаясь широкой лексической сочетаемостью, данные адъективы жанрово объективируют комплекс значимых концептуальных признаков: 'ступень возмужалости', 'работоспособность', 'социальная значимость возрастной поры (молодости) человека', когда он находится в прямых и косвенных отношениях с очень большим кругом лиц. Здесь попутно можно заметить, что в традиции языка былин при идентификации существенных антропометрических признаков актуально вначале человека «*встретить по возрасту*». Репрезентация других параметров человека – «*встретить по одежке, проводить по уму*» – также присутствует с жанровыми особенностями в былинном тексте, но эксплицитно значимыми «вестиальными» и «интеллектуальными» признаки заявлены в паремии – малом жанре.

Многоаспектность изучения в «диалоге» принципов антропоцентризма и текстоцентризма неотъемлемых признаков языка фольклора – традиционности и вариативности – позволяют констатировать следующее. В социокультурном плане язык фольклора – это средоточие источников, жанров, традиций, исторически глубинных взаимосвязей с литературным языком. Разнообразие размышлений коллективного автора-народа сквозь призму жанровой специфики фольклорного языка о внешней и внутренней Вселенной человека способствует целостности сложного общежанрового содержания. Вариантное строение фольклорных номинант последовательно выдерживается в рамках традиций и обусловлено экземплярностью – свойством, отражающим взаимосвязанные тенденции фольклорного языка к устойчивости и динамизму. В лингвокогнитивном аспекте традиционность, вариативность и в связи с этим частотность языковых фактов можно признать фольклорной формой репрезентации тех концептуальных признаков, которые этнически важны и запечатлены в силу их длительного осмысления в жанровых версиях.

Список литературы

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык : Медиа, 2003. – Т. 2. – 779 с.
2. Лихачев Д. С. Предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы / Д. С. Лихачев // Вопросы истории. – 1951. – № 12. – С. 34–42.
3. Лихачев Д. С. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве» / Д. С. Лихачев // «Слово о полку Игореве» : сб. исслед. и ст. / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – М. – Л., 1950. – С. 53–92.
4. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым : в 3 т. / под ред. Б. Н. Путилова. – Петрозаводск : Карелия, 1989. – Т. 1: Былины. – 528 с.
5. Попова З. Д. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Антология концептов : в 2 т. – Волгоград, 2005. – Т. 1.
6. Пропп В. Я. Язык былин как средство художественной изобразительности / В.Я. Пропп // Ученые записки ЛГУ. – 1959. – Вып. 20, № 173. – С. 16–23.
7. Соколова Т. С. Очерки по русской лингвофольклористике / Т. С. Соколова. – Белгород : Изд-во Белгород. гос. ун-та, 2002. – 188 с.
8. Ухов П. Д. Постоянные эпитеты в былинах как средство стилизации и создания образа / П. Д. Ухов // Основные проблемы эпоса восточных славян. – М., 1958. – С. 158–172.
9. Чистов К. В. Народные традиции и фольклор / К. В. Чистов. – Л. : Наука, 1986. – 306 с.
10. Якубинский Л. П. История древнерусского языка / Л. П. Якубинский – М. : Упедгиз, 1953. – 368 с.